

УДК 811.111(73) : 81'37

**СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЗАГЛАВИЯ В НОВЕЛЛЕ
Э. ХЕМИНГУЭЯ «ХОЛМЫ КАК БЕЛЫЕ СЛОНЫ»**

Н. В. Семенова

Тверской государственный университет
кафедра теории литературы

В статье рассматривается тропическое наполнение заглавия в новелле Эрнеста Хемингуэя «Hills Like White Elephants». Доказывается возможность его интерпретации как различных риторических фигур: цитаты, метонимии, сравнения.

Ключевые слова: *«точка семантического отсчета», заглавие, цитата, метонимия, сравнение, фразеологизм, подтекст*

В Интернет-словаре «Википедия» приводятся «Итоговые наблюдения над сюжетом»: «Действие рассказа происходит в Испании, в долине реки Эбро. Время действия не названо, но можно быть уверенным в том, что оно равно времени написания рассказа (1920-е годы). День, описанный в рассказе, исключительно жаркий, и долина по большей части не радуется красоте. Герои рассказа – мужчина и его подруга по имени Джиг, моложе его по возрасту. Американец и Джиг пьют пиво и ликер под названием Анис дель Торо, ожидая поезда на Мадрид. Их беседа сначала – беседа ни о чем, но затем они переходят на обсуждение операции, и американец уговаривает Джиг эту операцию сделать. Джиг возражает ему, но американец весьма вяло реагирует на эти возражения. В конечном итоге Джиг соглашается на операцию со следующей репликой: “Мне все равно, что со мной будет”. Она пытается перевести разговор на другой предмет, но американец продолжает настаивать на данной теме, так как чувствует, что не уверен в решимости Джиг и в ее душевном состоянии. За несколько минут до прибытия поезда американец уносит сумки на платформу и, прежде чем присоединиться к Джиг, покупает себе и выпивает еще один алкогольный напиток. Она ему улыбается, говорит, что у нее все отлично, и на этом рассказ заканчивается» (пер. Е. В. Ермаковой) [5]. Данный пересказ выявляет «глобальное непонимание – НП» текста [9, с. 585], поскольку не эксплицирована исходная ситуация: «отношения между мужчиной и женщиной обострены из-за предстоящего женщине аборта» [5].

К. Г. Паустовский в одной из статей написал о Хемингуэе, что он мастер подтекста, но, как это делается, объяснить очень трудно. В рассказе «нет ни слова, указывающего на суть разговора между персонажами, но, читая этот рассказ, вы прекрасно понимаете, о чем они думают» [11, с. 135]. В действительности, герменевтический анализ текста подтверждает, что «слова *операция, укол*, словосочетания *сущий пустяк, все будет хорошо*, а также весь текст в целом, указывающий на характер отношений между говорящими мужчиной и женщиной, дают читателю вербальную информацию, достаточную для оформления определенной гипотезы» [2, с. 89].

Помимо вербального уровня, исследователи привлекают биографический контекст (развод с Хэдди и женитьба на Полине Пфайфер – «существование с

двумя женщинами одновременно») и контекст интертекстуальный (сказка братьев Гримм «Умный Ганс») [5]. С позиций психоанализа как символы интерпретируются детали ландшафта в новелле: «Символизм гор и белого слона – это образы груди и живота беременной женщины <...> белые холмы цветом напоминают цвет кожи недавно рожденного младенца, драгоценного, как Сиамский белый слон»; «действие происходит на небольшом ж/д полустанке <...> С одной стороны железной дороги земля, иссушенная и пустая. С другой стороны – деревья и зелень. Разделяя пейзаж на две части (причем одна сторона изобильна, а другая стерильна) Хэмингуэй использует пейзаж, чтобы подчеркнуть, что между мужчиной и женщиной лежит разделительная черта» [5].

При всем многообразии истолкований до сих пор не была специально проанализирована роль заглавия в формировании подтекста. В рамках структурно-семиотического подхода внутритекстовый анализ начинается с определения «точки семантического отсчета» и выделения повторов и эквивалентностей. В качестве одной из таких исходных точек может выступать заглавие особого типа, дословно воспроизводящее реплику персонажа. Заглавие, помещаемое в сильную позицию, в этом случае не только формирует предпонимание, но и, повторенное в тексте, намечает «сильные позиции» формирования смысла. Заглавие новеллы Хемингуэя «Hills Like White elephants» инвариантно по отношению к репликам героини: «They [hills] look like white elephants» [17, p. 163]; «mountains look like white elephants» [17, p. 164]; «things are like white elephants» [17, p. 166]; «They [hills] don't really look like white elephants» [17, p. 165]. Дословное воспроизведение реплики персонажа Т. И. Сильман называет цитированием [13, с. 166]. О цитировании в данном случае позволяет говорить вторичность употребления и изменение значения в новом контексте. При этом каждый раз при повторном употреблении происходит «синонимическая замена в рамках имплицитных соглашений данного поэтического языка, языка отдельного произведения или автора» («А был ли мальчик? Может, мальчика-то и не было?») как синонимы сомнения в романе М. Горького «Жизнь Клима Самгина») [14, с. 609].

В навязчивых повторах слов или сочетаний в рассказах Хемингуэя сказалось влияние метода Гертруды Стайн, сущность которого иллюстрировала ее знаменитая в то время фраза: «Цивилизация началась с розы. А роза есть роза, есть роза, есть роза» [3, с. 96]. Хемингуэй увидел в этом приеме возможности для передачи подсознательных психологических процессов и использовал этот прием в своей новелле.

Словосочетание «холмы как белые слоны» постоянно всплывает в диалоге мужчины и девушки, и почти сразу же становится ясно, что белые слоны – это только вершина айсберга. «Девушка смотрела вдаль, на гряде холмов; они белели на солнце, а все вокруг высохло и побурело.

– Слово белые слоны, – сказала она.

– Никогда не видел белых слонов. – Мужчина выпил свое пиво.

– Где уж тебе видеть!

– А почему бы и нет? Мало ли, что ты говоришь, это еще ровно ничего не значит [16, с. 173].

Реплика «никогда не видел белых слонов», понятая буквально, может означать сомнение в их существовании. Но белые слоны встречаются в живой природе, и в Таиланде их считают священными животными. Та же реплика допускает второе истолкование: «Я не видел белых слонов и, следовательно, не могу судить о том, похожи холмы на слонов или нет». Однако при использовании

такой разновидности тропа, как сравнение, проблема истинности или ложности вообще не возникает: «Наиболее очевидное семантическое различие между метафорой и сравнением заключается в том, что все сравнения истинны, а большинство метафор ложно <...> Земля на самом деле похожа на диск или шар <...> Но сделайте эти предложения метафорами, и вы сразу получите ложь» [4, с. 185].

Переход от реалии к тропу может осуществляться на основе внешнего сходства или эмоциональной ассоциации, [6, с. 56], и оба эти момента в новелле обозначены: «Чудесные холмы, – сказала она – Пожалуй, они вовсе и не похожи на белых слонов. Просто мне подумалось, что вот так же и те белеют сквозь деревья» [16, с. 56]. Однако истинность сравнения и основания для его построения не имеют здесь решающего значения: в данном случае мы имеем дело с первичным речевым жанром ссоры, а не спора.

Конфликт из-за белых слонов метонимически замещает конфликт на глубинном уровне: неразрешенность первого становится знаком неразрешимости второго. И, соответственно, верно обратное: «А если я это сделаю, то все опять пойдет хорошо, и если я скажу, что холмы похожи на белых слонов, тебе это понравится? – Я буду в восторге» [16, с. 175]. После этой реплики белые слоны в новелле не появляются, однако цитата, переходя из дискурса персонажей в заглавие, приобретает качества «метонимического концепта» [8, с. 66], выражая идею одиночества, ничто, nada.

Подтекст и дальше формируется фигурой умолчания, что провоцирует различные истолкования. Близость железной дороги и напряженность ситуации заставляют предполагать трагическую развязку: «Здесь изображены люди, лишь гигантским усилием воли заставляющие себя не совершить чего-нибудь непоправимого, не броситься под поезд, например» [1, с. 13]. При общей интериоризации события поворотным моментом в сюжете могло бы стать согласие Джиг на операцию. К такому выводу приходит большинство исследователей: «В конце рассказа, когда упорство и эгоизм ее спутника доводят ее до истерики, <...> Джиг все же овладевает собой, скрывая отчаянье под маской вымученной улыбки и мнимо-бодрых слов» [15, с. 363].

Джиг действительно улыбается в последних двух эпизодах, но не «вымученно», а «благодарно» – служительнице бара, чей приход положил конец объяснению, и своему спутнику: «Она сидела за столиком и улыбнулась ему. – Ну, как ты себя чувствуешь? – спросил он. – Прекрасно, – сказала она. – Все в порядке. Я чувствую себя прекрасно» [16, с. 177]. Жестовый код подтверждает отсутствие развязки. Новелла построена как драматический текст, сведено к минимуму описание, диалог прерывается короткими замечаниями, напоминающими драматические ремарки, которые фиксируют жесты, преимущественно окулярные. Мгновенная улыбка, возникающая у одного из собеседников, расценивается с позиций невербальной коммуникации как способ снять напряжение в диалоге. Той же цели служит отведение глаз в сторону. Исключая два последних эпизода, где Джиг улыбается, взгляд девушки никогда не обращен на ее спутника: «девушка смотрела вдаль на гряды холмов» [16, с. 173]; «девушка взглянула на бамбуковый занавес» [16, с. 174]; «девушка взглянула на холмы» [16, с. 174]; «девушка смотрела вниз, на ножку стула» [16, с. 174]; «девушка взглянула на занавес» [16, с. 175]; «девушка смотрела на выжженные склоны холмов за рекой» [16, с. 176]. Направление взгляда мужчины зафиксировано дважды. Рассеянный взгляд говорит о том, что он не намерен

сдавать позиции, но и не чувствует себя вполне уверенно: «Девушка смотрела на выжженные склоны холмов за рекой, ее спутник смотрел на нее и на стол» [16, с. 176]. Однако услышав от Джиг: «Я тебя очень, очень, очень, очень, очень прошу замолчать» [16, с. 177], – американец отводит взгляд в сторону: «Он ничего не ответил и посмотрел на чемоданы. На них были ярлыки всех отелей, где они останавливались» [16, с. 177]. Этот жест можно расценить как готовность героя к компромиссу.

То, что в новелле отсутствует даже «неполная» развязка – «своего рода умолчание» [12, с. 174], когда действие подразумевается, но не называется, подтверждает и грамматика текста. В самой многократности воспроизведения конструкции «холмы как белые слоны» можно увидеть модель циклического построения сюжета с возвращением к исходному в финале. Логика движения по кругу подтверждается и повторным появлением женщины из бара. Опять, как и в начале, она приносит две кружки пива и ставит их на войлочные подстилки (хотя на этот раз пиво никто не заказывал).

Называя варианты «локального смыслового непонимания», Ю. Левин выделяет НП «слова (фразеологизма), проистекающее из чисто языкового незнания его значения или одного из значений» [10, с. 582]. Известно, что в английском языке существует идиома *white elephant* – «ненужная вещь», «предмет, разорительный для своего владельца» [10, с. 252]. «White elephant обременительное или разорительное имущество, обуза; подарок, от которого не знаешь, как избавиться [король Сиам, желая разорить кого-л. из своих подданных, дарил ему священного белого слона, содержание которого обходилось очень дорого]» (перевод мой – Н. С.) [7, с. 329]. В контексте новеллы таким слишком дорогим подарком оказывается еще не родившийся ребенок.

Фразеологическое напряжение текста имеет своим результатом актуализацию еще одной идиомы: выражение «белый слон» стоит в одном ряду с такими идиомами, как «белая ворона» (*Rara avis* – англ.), «белый дрозд» (*Mirlo blanco* – исп.), «белые мухи» – русск.), «зеленые мыши» – итал.), которые имеют общее значение – «то, чего обычно не бывает на свете». Сравнение холмов с белыми слонами в таком случае истолковывается как знак поэтического видения мира: «Вначале Джиг сравнивает холмы с белыми слонами, потом называет их чудесными: она еще способна, хотя бы моментами, воспринимать окружающее как свой, не чуждый ей мир. В середине рассказа образ белых слонов появляется вновь, но на этот раз лишь в исполненном сомнения вопросе девушки <...> Смерть образа, давшего рассказу название, отражает гибель поэтического восприятия мира и надежды на счастье: они увядают вместе» [15, с. 363]. Можно предположить также имплицитное присутствие мифологемы в новелле: плоская земля покоится на трех слонах, слоны стоят на черепахе, а черепаха плывет в безграничном океане – такова архаическая модель строения земли. Когда белые слоны исчезают, рушится мир, лишенный опоры.

Использование «принципа айсберга» – не описывать, а называть, только одна восьмая на поверхности, семь восьмых под водой – ставит проблему экспликации подтекста, что существенно изменяет функции тропов. В новелле Хемингуэя сравнение «холмы как белые слоны» не является больше знаком поэтического текста, ни даже знаком поэтического видения, но фактом обыденного сознания, способом восприятия мира. Однако использование тропов, по определению, не характерно и для обыденного сознания. Исходя из подтекстного письма, можно высказать следующее предположение. Многократно

воспроизведенная фраза «холмы как белые слоны», маркируя каждый раз возвращение к подспудному конфликту, определяет перспективу сюжета в целом: движение по кругу и, как следствие, отсутствие развязки при деструктивном финале.

Список литературы

1. Анастасьев Н. Творчество Эрнеста Хемингуэя. М.: Просвещение, 1981. 112 с.
2. Горелов И. А. Невербальные компоненты коммуникации. М.: Наука, 1980. 103 с.
3. Грибанов Б. Хемингуэй. М.: Молодая гвардия, 1970. 448 с.
4. Дэвидсон Д. Что означают метафоры // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 173–193.
5. Ермакова Е. В. Восприятие имплицитности в художественном тексте [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cyberleninka.ru/article/n/implitsitnost-v-hudozhestvennom-tekste-i-sposoby-ee-eks> (Дата обращения: 27.02.2014).
6. Кожевникова Н. А. О тропах в прозе А. П. Чехова // Языковое мастерство А. П. Чехова. Ростов: Изд-во Ростов. ун-та, 1988. С. 55–65.
7. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1956. 1456 с.
8. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 256 с.
9. Левин Ю. И. Избранные труды. М.: Языки русской культуры, 1998. 822 с.
10. Мюллер В. К. Большой англо-русский словарь: В новой редакции: 220 000 слов, словосочетаний, идиоматических выражений, пословиц и поговорок. М.: Цитадель-трейд: РИПОЛ КЛАССИК: Дом. XXI век: Вече, 2009. 831 с.
11. Паустовский К. Из ранних лет // Новый мир. 1970. № 4. С. 90–140.
12. Петровский М. А. Морфология новеллы // Поэтика: хрестоматия. М.: Изд-во Ростов. ун-та, 1992. С. 61–91.
13. Сильман Т. А. Подтекст как лингвистическое явление // Филологические науки. 1969. № 1. С. 84–90.
14. Степанов Ю. С. Язык художественной литературы // Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 608–609.
15. Финкельштейн И., Кудряшова И. Комментарий. М.: Прогресс, 1971. С. 329–398.
16. Хемингуэй Э. Сочинения: в 4 т. М.: Художественная литература, 1981. Т. 1. Рассказы. Очерки. Фиеста (роман). 671 с.
17. Hemingway E. Selected stories. М.: Прогресс, 1971. 398 с.

SEMANTIC POTENTIAL OF THE TITLE IN THE NOVEL E. HEMINGWAY "HILLS LIKE WHITE ELEPHANTS"

N. V. Semenova

Tver State University
The department of theory of literature

The article considers tropicheskoï filling titles in the novel by Ernest Hemingway, "Hills Like White Elephants". The author proves the possibility of its interpretation as a variety of rhetorical figures: quote, metonymy, compare.

Key words: *semantic point of reference", the title, citation, metonymy, comparison, idioms, subtext*

Об авторе:

СЕМЕНОВА Нина Васильевна – доктор филологических наук, и. о. зав.

кафедрой теории литературы Тверского государственного университета (170100, тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: ninasemenova@yandex.ru